

Английский детектив. Лучшее за 200 лет
Харьков: Книжный клуб "Клуб семейного досуга", 2017

Содержание:

- Даниэль Дефо, стр. 5-8
- Даниэль Дефо. Галопом из Кента в Йорк (рассказ, перевод Г. Панченко), стр. 917
- Томас Квинси, стр. 18-19
- Томас Де Квинси. Убийство как одно из изящных искусств (эссе, перевод Е. Борко), стр. 20-51
- Чарльз Диккенс, стр. 52-54
- Чарльз Диккенс. Тринадцатый присяжный (рассказ, перевод М. Акимовой), стр. 54-67
- Миссис Генри Вуд (Эллен Вуд), стр. 68-69
- Миссис Генри Вуд (Эллен Вуд). Потерявшаяся Лина (рассказ, перевод М. Таировой), стр. 69-92
- Миссис Генри Вуд (Эллен Вуд). Музыка ангелов (рассказ, перевод М. Таировой), стр. 92-117
- Артур Конан Дойл, стр. 118
- Артур Конан Дойл. Тайны крытого экипажа (рассказ, перевод Г. Панченко), стр. 118-130
- Артур Конан Дойл. Защита (рассказ, перевод Г. Панченко), стр. 130-154
- Эрнест Уильям Хорнунг, стр. 155
- Эрнест Уильям Хорнунг. Костюмированное представление (рассказ, перевод Е. Польшиковой, О. Редько), стр. 156-178
- К. Л. Пиркис, стр. 179
- К. Л. Пиркис. Убийство в Тройтс-хилле (рассказ, перевод М. Великановой), стр. 180-210
- Джером К. Джером, стр. 211
- Джером К. Джером. Вдоль глухой стены (рассказ, перевод М. Маковецкой), стр. 211-243
- Гилберт Кийт Честертон, стр. 244
- Гилберт Кийт Честертон. Бог из гонга (рассказ, перевод В. Малаховой), стр. 244-269
- Гилберт Кийт Честертон. Загадка поезда (эссе, перевод О. Образцовой), стр. 269-273
- Виктор Лоренцо Уайтчерч, стр. 274
- Виктор Лоренцо Уайтчерч. Украденное ожерелье (рассказ, перевод М. Великановой), стр. 274-289
- Герберт Джордж Уэллс, стр. 290
- Герберт Джордж Уэллс. Ограбление поместья Хеммерпонд (рассказ, перевод А. Немировой), стр. 290-301
- Герберт Джордж Уэллс. Примирение (рассказ, перевод Г. Панченко), стр. 301-313
- Герберт Джордж Уэллс. По ту сторону окна (рассказ, перевод Е. Лаевской, Г. Панченко), стр. 314-326
- Ричард Марш, стр. 327
- Ричард Марш. Секрет маски (рассказ, перевод П. Баратова), стр. 327-357
- Эрнест Брама, стр. 358
- Эрнест Брама. Эта умная миссис Стрэйтуэйт (рассказ, перевод Е. Борко), стр. 358-390
- Грегори Сквайрз, стр. 391-392
- Грегори Сквайрз. Дело о трёх браминах (рассказ, перевод С. Удалина), стр. 392-410
- А. В. Сеймур, стр. 411
- А. В. Сеймур. Криптограмма Джимми Брауна (рассказ, перевод М. Коваленко), стр. 412-430
- Примечания, стр. 431-44

Джером К. Джером

Джером К. Джером для многих стал автором, олицетворяющим британский юмор. Однако вообще-то юмор Джерома очень своеобразный: грустная улыбка для него куда более характерна, чем веселая. А поскольку этот автор как писатель отдал дань многим жанрам, включая детективный, то не стоит удивляться, что немало его произведений выдержано в минорной тональности. В конце концов, детектив – особенно такой, сюжет которого базируется на убийстве, – вещь невеселая по определению. И вдвойне – если он проходит с реалистически изображенными декорациями викторианского законодательства, на самом деле довольно негибкого, в ряде случаев откровенно бездушного, а то и попросту жестокого. Джером ведь недаром считался автором, умеющим очень тонко передать дух викторианской эпохи...

Вдоль глухой стены

К Эджвер-роуд примыкала ведущая на запад улочка, вид которой меня очень привлек, и я свернул туда. Это было место тихих домов, окруженных садиками, и каждое из зданий в загородной манере имело особое название, что алебастровой лепниной красовалось на арке ворот. Хотя уже сгущались сумерки, мне без труда удалось их прочесть: «Под ракитником», «Кедровая сень», «Кернгорм»¹... Этот последний дом был на этаж выше других, с маленькой башенкой, так сказать, на макушке, – башенкой, удивительным образом разветвляющейся поближе к вершине, а вдобавок увенчанной конической крышей, напоминающей шляпу колдуньи. Особенно усилилось такое сходство, когда чуть ниже карниза вдруг засветились два маленьких окна, словно бы пара злобных глаз, внезапно глянувших на меня.

Улица свернула вправо, окончившись пустошью, которую пересекал канал, протекающий под низким арочным мостом. Все те же тихие дома, окруженные небольшими садами, и я наблюдал, как трудится вышедший на свою вечернюю работу фонарщик, будто очерчивая зажженными уличными фонарями линию канала, переходившего чуть поодаль, за мостом, в озеро с островом посередине. Похоже, я сделал круг, потому что вскоре очутился на том же месте, где был, однако не думаю, что за это время встретил хотя бы десяток прохожих. Следовало уже искать путь обратно в Паддингтон.

Мне думалось, что возвращаться стоит по пути, которым я сюда пришел, но сумерки, должно быть, обманули меня. Хотя как именно возвращаться – наверное, не очень важно. Они хранили в себе какой-то скрытый секрет, эти тихие улочки с едва доносящимися до меня звуками шагов за плотно натянутыми шторами, звуками слабо слышимых голосов за тонкими и непрочными стенами. Иногда звучал смех, внезапно затихавший, как казалось; а затем – все так же неожиданно донесшийся крик ребенка.

На маленькой улочке, где стояли вплотную друг к другу особняки напротив глухой высокой стены, я увидел, как занавеска в одном из окон приподнимается, – из-за шторы на меня глянуло женское лицо. Единственный на улице фонарь находился как раз почти рядом с тем домом. Сначала я подумал, что лицо было девичьим, но затем, когда присмотрелся, мне почудилось, что это, по-видимому, старуха. Холодный синий свет газового фонаря искажал цвета, и лицо выглядело мертвенно-бледным.

¹ Очень живописная местность в высокогорной Шотландии, отличающаяся обилием скал причудливой формы.

Необычайными казались глаза этой женщины. Как будто они сосредоточили в себе весь свет, что делало их сверхъестественно большими и блестящими. Или же все лицо было маленьким и хрупким, и на его фоне глаза особенно привлекали внимание.

Она, возможно, заметила меня, так как занавеска опустилась снова, – и я возобновил свой путь.

Не было вроде бы для того особых причин, однако этот случай сохранился в моей памяти. Штора, вдруг поднимающаяся, словно бы занавес в небольшом театре, едва видимые очертания скудно обставленной комнаты и женщина, стоящая там, как бы в свете рамп, – вот что рисовало мне воображение. Но внезапно опустившаяся занавеска прерывала еще не начатый спектакль. В тот день на углу улицы я обернулся: штора поднялась опять, и я вновь увидел силуэт – тонкий, поистине девичий силуэт на фоне бокового окна.

Тут же какой-то мужчина едва не сбил меня с ног. Это была не его вина, а скорее моя: я остановился слишком резко, чтобы он успел обойти меня. Мы стали извиняться друг перед другом, обвиняя в случившемся темноту. Возможно, виновато мое воображение, но мне показалось, вместо того чтобы идти своей дорогой, мужчина развернулся и последовал за мной. Не оборачиваясь, я достиг следующего перекрестка, а затем обернулся достаточно быстро, чтобы застать врасплох любого преследователя, – однако того прохожего нигде не было видно. Я не стал задерживаться и вскоре возвратился на Эджвер-роуд.

Один или два раза, гуляя в праздном настроении, вновь стал искать эту улицу, однако безуспешно; казалось бы, тот эпизод навсегда улетучился из моей памяти, но как-то вечером, по дороге домой из Пэджингтона, я наткнулся в районе Хэрроу-роуд на женщину, тогда виденную мной. Я не спутал бы ее ни с кем другим. Она почти коснулась меня, выходя из рыбной лавки, и, не сразу успев отдать себе в этом отчет, я обнаружил, что иду за ней. На сей раз я тщательно запоминал дорогу, и через пять минут ходьбы мы вышли к той самой улице. Блуждая прежде в ее поисках, я, вероятно, не раз оказывался в какой-нибудь сотне ярдов от нее. Я задержался на углу. Женщина не заметила меня; когда она была уже рядом с домом, из тени в свет фонаря вышел мужчина и присоединился к ней.

Я отправился погостить к своим приятелям-холостякам в тот же вечер, а после ужина, пока воспоминание об этом эпизоде было еще свежо, рассказал о нем друзьям. Точно не помню, как возникла в нашем разговоре эта тема – кажется, в связи с обсуждением Метерлинка². Я упомянул о том, до чего потрясла меня внезапно поднимающаяся занавеска: словно бы, очутившись в пустом театре, я увидел незнакомую и втайне разыгрываемую пьесу. Мы перешли на другие темы, а когда я уже собрался было домой, один из гостей, тоже мой приятель, спросил меня, какой дорогой я возвращаюсь. Я ответил, и он предложил прогуляться вместе в этот замечательный вечер. И позднее, уже на тихой Харлей-стрит, пояснил: его целью было отнюдь не только получить удовольствие от моей компании.

– Любопытно, – сказал мой приятель, – но сегодня вдруг мне вспомнился случай, о котором я почти забыл за прошедшие с тех пор одиннадцать лет. И ваше описание, как выглядит эта женщина, напомнило мне о нем. Я заинтересовался, неужели это одна и та же дама?

– Глаза, – промолвил я, – вот что впечатлило меня в ней.

– Да-да, именно глаза – они мне запомнились в той даме. Помните ли вы, как вернуться на эту улицу?

Мы шли некоторое время молча.

– Вам, наверное, покажется странным, – наконец ответил я, – но если мы отправимся туда, меня будет тревожить мысль, не причиню ли я ей какого-нибудь вреда. Что это за случай, о котором вы говорите?

– Вы можете быть полностью спокойны на сей счет, – заверил он меня. – Я исполнял обязанности ее адвоката – если, конечно, это та самая женщина. Как она была одета?

² Метерлинка... – Морис Метерлинк – знаменитый бельгийский писатель и драматург. Для его произведений характерна ситуация, когда какие-либо персонажи (особенно женские) постоянно стремятся к счастью или совершенству, но вне зависимости от их конечного успеха либо поражения в финале обычно выясняется, что всем управляет судьба, а не человеческие стремления.

Я не понял, почему он задал такой вопрос. Вряд ли мой приятель мог полагать, что она будет носить ту же одежду, которая была на ней одиннадцать лет назад.

– Не думаю, что заметил, – ответил я. – Ну, блуза, пожалуй. – Но тут же вспомнил: – Ах да, на ней было что-то необычное. Кажется, широкая полоса из бархата на шее.

– Я так и предполагал, – сказал он. – Да, сходство такое, что это, видимо, именно она.

Мы достигли Мэрилебон-роуд, откуда каждый из нас пошел своим путем.

– Постараюсь зайти к вам во второй половине дня, если смогу, – пообещал мой приятель. – Можно отправиться на прогулку вместе.

Он действительно зашел ко мне около половины шестого, и, когда мы достигли той улочки, единственный фонарь на ней уже зажегся. Я указал своему приятелю на дом, и он, подойдя к стене, посмотрел на номер.

– Совершенно верно, – сказал он. – Я навел справки сегодня утром. Она была выпущена шесть недель назад, согласно правилам об условно-досрочном освобождении.

Приятель взял меня за руку:

– Стоять и ждать здесь будет бесполезно. Как говорится, «слепому что ночь, что день»... – не очень понятно объяснил он. – Наверняка это было хорошей мыслью – поселиться в доме как раз напротив фонарного столба.

Ему уже пора было идти: он был к кому-то приглашен на тот же вечер; однако впоследствии рассказал мне эту историю – точнее, ту ее часть, которую знал до нынешних пор.

* * *

Это было в первые дни кампании за создание участков озеленения в лондонских пригородах. Одним из пионеров таких участков стал Финчли-роуд. Он в ту пору лишь начинал застраиваться, и, к примеру, на улице Лэйлхем Гарденс воздвигли только с полдюжины домов, почти все незаселенные. Улица та к тому же находилась на самой окраине пригорода, сразу за ней уже начинались поля. Резко обрываясь, она вела к крутому спуску, за которым был пруд, а по другую его сторону – небольшой лесок. Единственный дом, где кто-то поселился, принадлежал молодой супружеской паре по имени Хэпуорт.

Муж оказался довольно приятным с виду, чисто выбритым молодым человеком, о точном возрасте которого судить трудно. Зато о жене можно было сказать, ничуть не сомневаясь, что возраста она еще совсем юного. В мистере Хэпуорте ощущалось слабование; по крайней мере, такое предположение высказывал агент по продаже дома. Как он утверждал, Хэпуорт то принимал решение о покупке, то вдруг отказывался от него. Джетсон – так звали агента – почти уже не надеялся успешно заключить с ним сделку. В конце концов инициативу взяла миссис Хэпуорт, и дом на улице Лэйлхем Гарденс все же был приобретен.

Мистеру Хэпуорту пришлось не по вкусу, что особняк слишком далеко отстоит от соседних домов. Хэпуорт часто бывал в отъезде в то время, в командировках, и беспокоился, что жена его станет чересчур тревожиться в одиночестве. Он проявлял большую настойчивость в этом вопросе, но супруга во время обсуждения сделки с агентом шепотом уговорила мистера Хэпуорта согласиться. Это был один из тех изящных, как елочные игрушки, маленьких домиков, которые многим не слишком нравятся, зато другие от них без ума. Она, как видно, оказалась в числе последних.

К тому же, по утверждению миссис Хэпуорт, такое приобретение их не разорит, в отличие от любых других домов на Лэйлхем Гарденс. Наверно, так и было; впрочем, если финансовые обязательства, предоставленные молодыми Хэпуортами, и отличались чем-то не совсем обычным, на это все равно никто не обратил внимания. Дом продали на условиях, стандартных для компании, занимавшейся такими делами: в качестве задатка – банковский чек (он был надлежащим образом оплачен), а сам дом служил гарантией остальной суммы. Поверенный компании, с согласия Хэпуорта, расписался как юридический представитель обеих сторон.

В начале июня, когда Хэпуорты переехали в дом, обставлена у них была только спальня и не было ни одного слуги; впрочем, каждое утро приходила женщина, помогавшая заниматься домашней уборкой, которая оставалась в доме до шести вечера. Ближайшим соседом молодой пары оказался Джетсон. Его жена и дочери стали гостить у Хэпуортов и очень привязались к ним

обоим. Между одной из дочерей Джетсона, самой младшей, и миссис Хэпуорт возникла, кажется, по-настоящему тесная дружба. Сам же молодой Хэпуорт всегда отличался особым очарованием, но было видно, что ему приходится предпринимать большие усилия, чтобы проявлять обходительность. У Джетсонов возникло ощущение, будто он постоянно чем-то встревожен. Они описывали его – хотя, конечно, уже впоследствии, после тех событий, о которых сейчас пойдет речь, – как «человека, словно бы ежеминутно видящего призраков».

Однажды, около десяти вечера, когда Джетсоны, как раз гостившие у Хэпуортов, собирались уже уходить, внезапно послышался резкий стук в дверь. Оказалось, явился помощник Джетсона, который должен был уехать ранним утренним поездом, и обнаружил, что нуждается в кое-каких дополнительных инструкциях. Но едва только прозвучал стук, в глазах Хэпуорта возник явный ужас. Он оглянулся на свою жену чуть ли не с отчаянием, и Джетсонам показалось – хотя опять-таки, возможно, эта мысль пришла им в голову только впоследствии, – что в ее глазах промелькнуло презрение, в следующий миг сменившееся жалостью. Она поднялась и уже сделала несколько шагов к двери, однако молодой Хэпуорт остановил ее и вышел сам. Что особенно любопытно, Хэпуорт, по словам помощника Джетсона, не стал открывать парадную дверь, но направился к ней с черного хода, обогнув дом вокруг задней стены.

Случай этот озадачил Джетсона, особенно невольная вспышка презрения, возникшая во взгляде миссис Хэпуорт. Ведь, как всегда казалось, она обожает своего мужа, а из двоих супругов, без сомнения, именно она любила его больше, чем он ее. У них не было ни друзей, ни знакомых, за исключением Джетсонов. Никто другой из числа ближайших соседей Хэпуортов не утруждался тем, чтобы заглянуть к ним в гости, а если говорить о посторонних посетителях, то, как известно, их до сих пор и вовсе не бывало на улице Лэйлхем Гарденс.

Следующее странное событие произошло в прекрасный вечер незадолго до Рождества. Джетсон возвращался домой из своей конторы, находящейся на Финчли-роуд. Весь день стоял туман, и с наступлением ночи он покрыл улицы сплошной белесой пеленой. Вскоре после своего ухода с Финчли-роуд Джетсон заметил человека, на котором был длинный желтый макинтош и мягкая фетровая шляпа. У Джетсона вдруг возникла мысль, что это моряк; наверно, из-за высоко поднятого воротника – моряки ведь часто по привычке носят плащ как зюйдвестку. На углу Лэйлхем Гарденс незнакомец свернул и бросил взгляд в сторону названия улицы на фонарном столбе, так что Джетсон успел внимательно осмотреть этого человека. Очевидно, таинственный прохожий искал именно Лэйлхем Гарденс. Джетсоном овладело любопытство, так как все дома на улице, кроме жилища Хэпуортов, пока пустовали, и потому, остановившись на перекрестке, он стал внимательно наблюдать за прохожим. Дом Хэпуортов был, конечно же, единственным, где горел свет. Прохожий, приблизившись к воротам, чиркнул спичкой – вероятно, чтобы рассмотреть номер. Убедившись, что это именно тот дом, который он искал, мужчина распахнул ворота и направился к парадному входу.

Джетсон ждал, что сейчас раздастся звук дверного молотка либо электрического звонка, и был удивлен, когда вместо этого услышал, как прохожий трижды с силой ударил в дверь тростью. Ответа не последовало, и Джетсон, окончательно заинтригованный, переместился к другому углу, откуда ему было лучше видно. Прохожий дважды повторил троекратный стук в дверь, каждый раз все громче и громче, и на третий дверь открылась. Кто именно отворил ее, Джетсон понять не смог.

Он увидел только одну из стен передней, где висела пара абордажных сабель, скрещенных над картиной с изображением трехмачтовой шхуны, которая, как Джетсон помнил, находилась там давно, с первых дней их знакомства. Дверь открылась достаточно широко, чтобы гость смог в нее протиснуться боком, и, когда он это сделал, тут же захлопнулась. Джетсон уже повернулся было, чтобы направиться домой, но любопытство побудило его бросить еще один взгляд назад. Ни одно из окон дома не светилось, хотя за минуту до того он видел свет в окне первого этажа.

Все эти подробности оказались чрезвычайно важными впоследствии, однако в то время ничего не побуждало Джетсона увидеть в них хоть что-то выходящее за рамки обыденности. Да, Хэпуортов за шесть прошедших месяцев не посещали ни друзья, ни родственники, но отсюда еще не следует, будто таковые не могут их посетить вообще. Из-за тумана гость, возможно, решил, что проще стучать в дверь тростью, чем вслепую шарить в поисках кнопки звонка. Вечером Хэпуорты,

как правило, находились в комнатах, окна которых не выходили на фасад, а в гостиной свет мог быть выключен ради экономии.

Джетсон рассказал об этом случае, вернувшись домой, не как о чем-нибудь примечательном, а словно про обычный предмет для соседских пересудов. Единственной, кто, кажется, придал значение данному эпизоду, была младшая дочь Джетсона, девушка лет восемнадцати.

Она задала своему отцу пару вопросов о том, как вел себя прохожий, и в тот же вечер, выскользнув из своей комнаты, побежала к Хэпуортам. Однако дом нашла пустым – во всяком случае, никто не ответил, когда она позвонила в дверь, и внутри, как показалось девушке, царила зловещая тишина.

На следующее утро Хэпуортов решил посетить мистер Джетсон: волнение дочери запоздало передалось ему. Миссис Хэпуорт открыла Джетсону дверь, и впоследствии в своих показаниях на суде он отметил, что ее внешний вид неприятно поразил его. В то утро она предвосхитила вопросы Джетсона, сразу же объяснив, что получила очень нежелательные новости и вместе с супругом волновалась из-за них всю ночь. Ее мужа вдруг вызвали в Америку, и ей как можно скорее надо будет последовать за ним. Миссис Хэпуорт добавила: она придет к Джетсону в контору немного позже в тот же день, чтобы договориться насчет продажи дома и мебели.

Рассказ миссис Хэпуорт, казалось бы, достаточно правдоподобно объяснял визит незнакомца, и Джетсон, выразив ей свое сочувствие и пообещав любую помощь, какая будет ему по силам, отправился на работу. Миссис Хэпуорт, явившись к нему в контору днем, вручила Джетсону ключи, оставив один для себя. Она попросила выставить мебель на аукцион, а дом, по ее словам, следовало продать на любых условиях. Миссис Хэпуорт пообещала, что постарается встретиться с Джетсоном снова перед отплытием, но если это не удастся, сообщит ему свой адрес. Она казалась совершенно спокойной и собранной. Перед разговором в конторе Джетсона миссис Хэпуорт заглянула к его жене и дочерям, чтобы попрощаться с ними.

Покинув контору, женщина остановила такси и вернулась на Лэйлхем Гарденс собрать свои вещи перед поездкой. А в следующий раз Джетсон увидел ее уже в судебном зале на скамье подсудимых, обвиненную за соучастие в убийстве мужа...

* * *

Тело его обнаружили в пруду в нескольких сотнях ярдов от места, где обрывалась улица Лэйлхем Гарденс. Неподалеку на пустом участке строился дом, и рабочий, зачерпнув ведром воду, уронил свои часы в пруд. Опечаленный потерей, он вместе с помощником принялся прочесывать дно граблями – и, случайно зацепив что-то массивное, обнаружил на зубьях клочки одежды, после чего пруд весьма тщательно обыскали. При иных обстоятельствах труп никогда бы не нашли.

Тело, к которому убийцы прикрепили несколько утюгов, соединенных железной цепью с замком, погрузилось глубоко в мягкий ил и, скорее всего, осталось бы там, пока не истлело бы. Ценные золотые часы, подаренные, как вспомнил по рассказам Джетсон, молодому Хэпуорту его отцом, оказались именно в том кармане, где тот их обычно хранил, а в илистой грязи было найдено кольцо с камеей, которое он всегда носил на среднем пальце. Очевидно, убийство относилось к категории преступлений, совершённых в состоянии аффекта. Предположили, убийцей стал человек, до замужества миссис Хэпуорт являвшийся ее любовником.

Доказательства жестокого преступления, представлявшие собой разительный контраст с одухотворенными прекрасными чертами лица подсудимой, не на шутку впечатлили всех в суде.

Как выяснилось, когда-то женщина выступала в английской цирковой труппе, гастролировавшей в Голландии, а затем, в возрасте семнадцати лет, поступила работать «артисткой песни и танца» (во всяком случае, так это называется у голландцев) в роттердамский кафешантан очень сомнительной репутации: заведение, посещаемое в основном моряками. Оттуда ее и забрал английский моряк, некий Чарли Мартин. Несколько месяцев они жили вдвоем в недорогой гостинице на противоположной от ее прежнего места работы стороне реки, а затем покинули Роттердам и переехали в Лондон, где и поселились в районе Поплар, вблизи доков.

Именно в этом районе месяцев за десять до убийства она вышла замуж за молодого Хэпуорта. О дальнейшей судьбе Мартина неизвестно. Естественное предположение заключалось в том, что,

беззаботно исчерпав деньги, он вернулся к своей прежней профессии, хотя его имя по какой-то причине с тех пор не обнаружили ни в одном корабельном списке. Не могло однако быть никаких сомнений, что именно Мартин и есть тот мужчина, который на глазах у Джетсона подошел к двери дома Хэпуортов и постучался в нее. Джетсон описал его как коренастого человека эффектной и привлекательной внешности, с рыжеватой бородой и усами. Ранее в тот же день Мартина видели в Хэмпстеде, где он обедал в небольшой кофейне на Хэй-стрит. Девушку-официантку весьма впечатлил самоуверенный, пронзительный взгляд этого мужчины и его холеная рыжая борода. Официантка обслуживала его между двумя и тремя часами дня, когда посетителей почти не было, поэтому у девушки была возможность внимательно понаблюдать за ним. На суде она описывала его как «джентльмена, приятного в разговоре» и «склонного к веселости». Моряк сказал, что прибыл в Англию всего три дня назад и надеется вечером увидеть свою возлюбленную. При этом он смеялся, но во взгляде, как показалось девушке – хотя такая мысль, может быть, пришла ей в голову уже впоследствии, – появилось нечто угрожающее.

Надо полагать, именно страх перед возвращением этого человека постоянно преследовал мистера Хэпуорта. Три удара в дверь, на которые судебный обвинитель обратил особое внимание, были, по-видимому, условным сигналом, и дверь наверняка открыла женщина. Неизвестно, находился ли муж дома или же они поджидали, пока он вернется. Хэпуорт был убит пулей, выпущенной сзади и попавшей между последним шейным позвонком и черепом; тот, кто стрелял, наверняка имел возможность заранее выбрать для себя наилучшую позицию.

Когда обнаружили тело, после убийства прошло десять дней и след предполагаемого убийцы отыскать было уже не так-то просто. Человека, похожего на него, около половины десятого видел местный почтальон неподалеку от улицы Лэйлхем Гарденс. В тумане они буквально столкнулись друг с другом, но прохожий тут же отвернулся.

Мягкая фетровая шляпа вряд ли могла служить хорошей приметой, однако длинный желтый макинтош моряцкого образца был достаточно примечательным, чтобы обратить на себя внимание. Почтальон увидел лицо прохожего всего на несколько секунд, между тем хорошо запомнил, что оно гладко выбрито. Когда в суде прозвучала эта подробность, она вызвала потрясение, хотя лишь до того момента, как опросили следующего свидетеля. Им была та самая приходящая служанка, обычно помогавшая Хэпуортам с уборкой. Утром перед своим отъездом миссис Хэпуорт не впустила ее в дом, а встретила прямо у двери и, выплатив недельный заработок, объявила: в ее услугах больше нет нужды. Джетсон, полагая, что жилье лучше сдать в аренду вместе с мебелью, послал за этой женщиной и поручил ей тщательно прибрать весь дом. И вот, с щеткой и совком в руках чистя ковер в столовой, она увидела на нем несколько коротких рыжих волосков.

Мужчина, прежде чем выйти из дома, побрился.

То, что он до сих пор сохранил столь приметный макинтош, вероятно, объяснялось желанием пустить возможную погоню по ложному следу. После того как этот плащ послужил своей цели, от него можно было быстро избавиться; а вот избавиться от бороды далеко не так просто. Трудно сказать, какими окольными путями убийца добирался до конторы мистера Хэпуорта на Фенчерч-стрит, но той же ночью или рано утром он побывал там. Ключ ему, видимо, дала сама миссис Хэпуорт. Судя по всему, Чарли Мартин оставил шляпу и макинтош там, а вместо них воспользовался гардеробом верхней одежды своей жертвы.

Служащий Хэпуорта, некто Элленби – пожилой человек, как говорится, джентльменской внешности, – привык к частым отъездам своего хозяина по делам, связанным с продажей оборудования для морских судов. Обычно в конторе хранились пальто и саквояж, приготовленные на случай внезапной поездки. Когда в день после убийства Элленби обнаружил, что этих вещей в конторе нет, он предположил, что хозяин уехал ранним поездом. Он бы, пожалуй, начал беспокоиться через некоторое время, но получил телеграмму – как думал, от хозяина, – в которой говорилось: мистер Хэпуорт уехал в Ирландию и задержится там на несколько дней. Он, бывало, и раньше отсутствовал до двух недель, наблюдая за оборудованием корабля, в этом Элленби не видел ничего необычного – и ничего, требовавшего специальных распоряжений, в конторе не случилось. Телеграмма была отправлена из Чаринг-Кросса в очень напряженный период дня, и там никто не запомнил отправителя.

Элленби сразу опознал найденное в пруду тело своего работодателя, к которому, по-видимому, при его жизни испытывал сильное чувство привязанности. Подробностей о миссис Хэпуорт он знал мало и ничего толком не смог рассказать о ней: ему довелось ее увидеть лишь во время следствия, да и то разве что один или два раза.

Поведение самой миссис Хэпуорт на суде выглядело необъяснимо. Когда ей был задан формальный вопрос: «Признаёте ли себя виновной?», она коротко ответила: «Нет», но более не предприняла никаких попыток для собственной защиты. Некоторые полезные для них сведения адвокаты миссис Хэпуорт получили от Элленби, однако не от самой обвиняемой, и служащий мужа их предоставил скорее в память о покойном хозяине, чем из сочувствия к его жене. На вид она казалась совершенно равнодушной. Только однажды ее охватила сиюминутная эмоция. Это было, когда защитники едва ли не гневно убеждали ее дать им хоть какие-нибудь сведения, которые могли бы стать для нее полезными.

– Он мертв! – закричала она с ноткой почти ликования. – Мертв! Мертв! Что еще имеет значение?

В следующее мгновение она извинилась за свой порыв.

– Ничто не может уже изменить дело к лучшему, – сказала миссис Хэпуорт. – Пусть все будет как есть.

Поразительное бездушие этой женщины вызвало неприязнь к ней и судьи, и присяжных. Ведь тело ее мужа еще не остыло, когда убийца брился в столовой! Должно быть, она принесла ему бритву своего супруга, дала бритвенный тазик с нагретой водой, мыло и полотенце, отыскала зеркальце, а затем убрала оставшиеся на полу волосы – кроме нескольких рыжих волосков, незаметно зацепившихся за ковер. А те самые утюги, привязанные к телу, чтобы увеличить его тяжесть и удержать на дне! Видимо, именно миссис Хэпуорт и пришло в голову их использовать. Такая мысль вряд ли возникла бы у мужчины. А еще цепь и замок, с помощью которых прикрепили утюги, – лишь она могла знать, что эти предметы были в доме. Также именно миссис Хэпуорт, скорее всего, придумала уловку с переодеванием убийцы в конторе Хэпуорта – и дала душегубу ключ. Она придерживала дверь, когда он выходил к пруду, пошатываясь под своей тяжелой ношей, и стояла так, ожидая, пока не послышался всплеск...

Очевидно, миссис Хэпуорт намеревалась сбежать с убийцей и жить с ним. А ее выдумка якобы о командировке мужа в Америку? Если бы все прошло удачно, этот вымысел оказался бы как раз кстати!

Уехав с улицы Лэйлхем Гарденс, миссис Хэпуорт сняла квартиру в небольшом доме в Кентише под именем Говард, выдавая себя за хористку, муж которой был якобы актером, на тот момент отбывшим в гастрольное турне. Чтобы придать всему этому правдоподобие, она даже устроилась выступать в какой-то пьесе. Ни на минуту не потеряла контроль над ситуацией. Никто никогда не появлялся в ее квартире, и за все время ей не пришло ни одного письма. Она просчитала каждый час, по-видимому, все было продумано еще над телом ее убитого мужа.

На суде миссис Хэпуорт признали виновной в соучастии, приговорили к пятнадцати годам каторжных работ.

Все это произошло одиннадцать лет назад. После суда мой приятель, невольно заинтригованный, выведал некоторые дополнительные подробности. Поиск информации в Ливерпуле дал возможность узнать, что отец Хэпуорта, мелкий предприниматель и судовладелец, был хорошо известным в своих кругах и глубоко уважаемым человеком. Последние несколько лет жизни – а умер он за три года до гибели своего сына – Хэпуорт-старший отошел от дел. Вдова его пережила собственного мужа на считанные месяцы. Кроме сына Майкла, убитого на Лэйлхем Гарденс, в семье было еще двое детей: старший брат, как считалось, уехавший за границу в одну из колоний, и сестра, вышедшая замуж за французского морского офицера. Они либо не знали про убийство, либо не захотели, чтобы их имена прозвучали на этом суде. Молодой Майкл начал свою взрослую жизнь как архитектор, и, похоже, вполне удачно, однако после смерти своих родителей исчез из города, и до судебного процесса ни один из его бывших знакомых на севере Англии не знал, что с ним случилось после переезда.

Но еще один момент, о котором удалось узнать моему приятелю, несколько озадачил его. Служащий младшего Хэпуорта, Элленби, был когда-то доверенным лицом Хэпуорта-старшего! Он начал работать в конторе у старшего Хэпуорта, будучи еще совсем юным, и, когда его хозяин

вышел в отставку, Элленби – при поддержке старого джентльмена – открыл собственное дело, причем тоже как поставщик оборудования для кораблей! Ничто из этого не прозвучало на суде. Элленби не подвергся перекрестному опросу, в котором, казалось бы, не было необходимости, однако странно, что он не сообщил суду эти безусловно значимые подробности. Возможно, впрочем, решил скрыть их ради блага брата и сестры погибшего. Хэпуорт – достаточно распространенная фамилия на севере Англии, и, вероятно, Элленби хотел просто уберечь от процесса их репутацию.

Об осужденной мой приятель сумел узнать и того меньше: в контракте со сценическим агентом в Роттердаме она назвала себя дочерью английского музыканта и заявила: ее родители мертвы. Возможно, девушка устроилась в тот кафешантан, не вполне представляя, какой именно работой ей предстоит заниматься. В этом случае моряк Чарли Мартин, с его привлекательной внешностью и хорошим обхождением, да к тому же еще и англичанин, показался ей долгожданным шансом на спасение.

Она, вероятно, страстно любила его, и молодой Хэпуорт – будучи без ума от нее, ведь она была достаточно красива, чтобы вскружить голову любому мужчине, – в отсутствие Мартина, как можно предположить, солгал ей, сказал, будто Мартин мертв, или бог знает что еще он мог ей наплести, склоняя к замужеству. Если так, то убийство, возможно, показалось обманутой женщине своего рода возмездием.

Но даже в этом случае хладнокровная черствость миссис Хэпуорт была, безусловно, ненормальна! Женщина вышла за него замуж, прожила с ним почти год. У Джетсонов возникло впечатление, что она горячо любит своего мужа. Это не мог быть просто хладнокровный обман.

– Здесь что-то другое, – сказал мой приятель, когда мы обсуждали историю миссис Хэпуорт в его адвокатской конторе.

Записи одиннадцатилетней давности были разложены на письменном столе. Мой приятель ходил по комнате взад и вперед, засунув руки в карманы и рассуждая вслух:

– Какая-то подробность, которая осталась в секрете. Я испытал странное чувство, наблюдая за этой женщиной, когда был вынесен приговор. Слово бы это присуждение к каторжным работам стало ее торжеством. Играла роль? Нет, не похоже! Если бы она и вправду лицедействовала во время судебного процесса, то могла бы сделать вид, что раскаивается, и получить всего пять лет. Казалось, она не способна скрыть абсолютного, едва ли не физического облегчения при мысли, что ее муж умер, что его рука теперь никогда ее не коснется. Должно существовать что-то, внезапно открывшееся ей и превратившее любовь в ненависть. Есть нечто необычное и в поведении мужчины. – Эту новую догадку мой приятель высказал, когда стоял и смотрел из окна через реку. – Она-то заплатила за все сполна, но он все еще в розыске. Он рискует своей головой, приходя, чтобы увидеть, поднята ли занавеска на ее окне. – Его мысль сделала еще один поворот. – И при этом как он мог позволить ей по сути десять лет быть погребенной заживо на каторге, а сам безнаказанно разгуливать по улицам? Во время суда, когда изо дня в день против нее выдвигались всё новые свидетельства, – почему он не пришел, чтобы занять место рядом с ней? И не отправился на виселицу хотя бы только из простого приличия? – Мой приятель сел, взял стопку документов, не глядя на нее. – Или это была награда, которую она выпросила у него для себя? Сама мысль о том, что он будет ждать ее на свободе, надежда на это, могла бы облегчить ее страдания. Да, – размышляя, продолжил мой приятель, – я могу представить человека, который из любви к женщине принимает такие условия, в сущности являющиеся наказанием для него самого.

Теперь, когда интерес моего приятеля к этому делу возобновился, он, казалось, был не в состоянии забыть о нем хотя бы на минуту. С того времени, как мы вместе побывали на той улице, я пару раз возвращался туда в одиночестве и опять видел, как поднялась занавеска. Мой приятель был одержим идеей встретиться с тем мужчиной лицом к лицу. Красивый, смелый, властный человек – вот каким представлял его себе он. Однако должно быть еще что-то необычайное в нем, что-то, побудившее женщину едва ли не продать собственную душу ради этого мужчины.

Был только один шанс выяснить хоть что-нибудь. Каждый раз загадочный незнакомец приходил со стороны Эджвер-роуд. Скрываясь на противоположной стороне улицы и наблюдая, как он приближается к тому самому дому, можно было бы подгадать момент, чтобы встретиться с ним под фонарем. Вряд ли он тут же развернется и пойдет назад: это означает слишком выдать

себя. Он, видимо, лишь сделает вид, что, как и мы, просто торопится куда-то, пройдет мимо, притаится в темноте и будет, в свою очередь, следить за нами, пока мы не уйдем прочь.

Фортуна, казалось, была на нашей стороне. В обычное время занавеска осторожно приподнялась, и вскоре после этого из-за угла появился человек. Мы, выйдя на улицу через несколько секунд, как и рассчитывали, встретились с ним лицом к лицу под газовым фонарем. Человек шел в нашу сторону, ссутулившись и опустив голову. Мы ожидали, что он пройдет мимо нас, – но, к нашему удивлению, мужчина остановился и отворил калитку. Еще секунда, и мы потеряли бы все шансы узнать о нем хоть что-то, кроме того, как выглядит его согбенная спина. Несколько шагов, и мой друг очутился позади него. Он положил руку мужчине на плечо и заставил его обернуться. Мы увидели старое, морщинистое лицо с бесстрастным взглядом давно потускневших, слезящихся глаз.

Оба мы опешили и несколько мгновений не могли вымолвить ни слова.

Мой приятель пробормотал какие-то извинения о том, что перепутал дом, и мы вернулись за угол. На другой улице расхохотались почти одновременно. А затем приятель внезапно замер и устоял на меня.

– Старый клерк Хэпуорта! – проговорил он. – Элленби!

* * *

Это показалось нам чудовищным. Элленби был больше чем просто служащим: семья относилась к нему как к другу. Хэпуорт-старший обеспечил ему возможность начать свой собственный бизнес. К Хэпуорту-младшему он питал искреннюю привязанность, о чем знали, кажется, все, кому вообще было известно хоть что-то об этой семье и фирме. Как же понять произошедшее?

На каминной полке моего приятеля лежала адресная книга. Через день после случайной встречи с Элленби меня осенило, и я открыл ее. «Элленби и Ко, – прочитал я. – Корабельное оборудование. Юридический адрес – улица Минориток».

Уж не помогает ли он женщине ради своего умершего хозяина, пытаюсь уберечь ее от рук убийцы мистера Хэпуорта? Но по какой причине? Эта женщина спокойно стояла и наблюдала за тем, как убивают ее мужа. Как же может Элленби хотя бы даже просто глядеть на нее снова?

Разве только существует какая-то неведомая нам, но известная ему подробность, – что-то, что могло бы оправдать чудовищное бездушие этой женщины.

Однако что это может быть? Все так тщательно спланировано, так хладнокровно осуществлено! Вот, например, бритье в столовой. Этот случай особенно впечатлил моего приятеля. В комнате не было ни одного зеркала, а значит, женщина, по-видимому, принесла его со второго этажа. Но почему они не пошли вверх в ванную комнату, где всегда брился Хэпуорт и где все было специально подготовлено для бритья?

Мой приятель расхаживал по комнате, размышляя вслух, казалось, почти бессвязно, и вдруг остановился и взглянул на меня.

– Но почему в столовой? – требовательно спросил он. И позвенел ключами в кармане.

Это была его привычка: он часто звенел ключами, когда кого-то настойчиво расспрашивал, однако сейчас у меня вдруг возникло ощущение, что совершенно загадочным образом я знаю ответ на его вопрос, – и я не задумываясь ответил:

– Может быть, было проще принести вниз бритву, чем тащить вверх покойника?

Приятель оперся руками о стол, его глаза блеснули от волнения.

– Вообразите себе эту картину, – сказал он. – Их небольшая столовая, заставленная фарфоровыми статуэтками. Трое стоят вокруг стола, руки Хэпуорта нервно вцепились в подлокотник кресла. Упреки, насмешки, угрозы. Молодой Хэпуорт, которого все знают как человека слабовольного, по натуре своей боязливого, побледнел, заикается, не знает, в какую сторону смотреть. Женщина поочередно глядит то на одного мужчину, то на другого. И опять эта вспышка презрения в глазах – пренебрежения, с которым она не может ничего поделать, а за презрением, что еще хуже, следует жалость. Если бы он только мог спокойно и твердо ответить этому третьему, если бы сумел держаться, сохраняя чувство достоинства! Если бы не проявлял свою боязливость так явственно! А потом – и это сыграло свою роковую роль – тот, другой,

мужчина отворачивается с презрительным смехом, и дерзкий властный взгляд уже не заставляет сердце Майкла сжиматься от ужаса. Должно быть, именно тогда убийца и выстрелил: ведь пуля, как вы помните, попала в затылок. Хэпуорт наверняка давно уже мысленно готовился к той встрече: арендаторы таких вот пригородных домиков в этих новых кварталах в большинстве своем не имеют привычки держать у себя дома заряженные револьверы. А он цеплялся за это оружие как за символ самозащиты, неприкосновенности дома и накручивал сам себя, задыхаясь от ненависти и страха. Слабые люди всегда склонны к крайностям. У него не оставалось другого выбора, и он убил того, кто пришел в их дом. Убил Чарли Мартина. Слышите ли вы тишину после того, как прогремел револьвер? Убитый повалился, как бык на скотобойне. Вот мужчина и женщина опустили на колени и стали ощупывать лежащего, проверять, бьется ли сердце. Следов крови на ковре не оказалось, а дом расположен слишком далеко даже от ближайших соседей, чтобы кто-нибудь мог услышать выстрел. Если бы только избавиться от тела! Но ведь это и в самом деле возможно! Пруд меньше чем в сотне ярдов от дома. – Прервав свой рассказ, мой приятель потянулся к пачке документов, все еще лежащей среди его бумаг, и стал поспешно перелистывать страницы. – Что может быть легче? На участке по соседству строится дом. Тачку взять там очень просто, а дорога к берегу вымощена досками. Глубина пруда в месте, где было обнаружено тело, – четыре фута шесть дюймов. Не нужно прилагать никаких усилий, достаточно просто наклонить тачку. Но все же стоит поразмыслить еще минуту... За эту минуту они придумывают, как сделать, чтобы труп не всплыл на поверхность и не превратился в улику обвинения. Под тяжестью дополнительного груза он станет опускаться все глубже и глубже в мягкий ил и будет лежать там, пока не сгниет. Поразмыслить еще раз, всесторонне обдумать последствия. Предположим, несмотря на все их предосторожности, тело всплывет. Предположим, цепь соскочила. Рабочие то и дело набирают воду из пруда – а вдруг они обнаружат мертвеца? Он лежит на спине, помните об этом: они ведь должны были его перевернуть, чтобы попытаться услышать, не бьется ли сердце. Опустили ему веки: потому что и мужчину, и женщину, скорее всего, преследовала дрожь от взгляда открытых глаз мертвого. Наверняка именно женщине пришлось это в голову первой. Как одного, так и другого она так часто видела лежащим рядом с собой – неподвижно, навзничь, с закрытыми глазами – и, возможно, всегда помнила об их сходстве. Засунуть часы Хэпуорта убитому в карман, кольцо Хэпуорта надеть на палец – этого было бы достаточно, если бы не борода, его проклятая вьющаяся рыжая борода! Они на цыпочках подошли к окну и выглянули. Туман до сих пор был густым, как бульон. Ни души вокруг, не слышно ни звука. Времени еще более чем хватает. Остается только уйти отсюда, спрятаться, пока есть возможность. Надеть макинтош. Человека в желтом макинтоше, возможно, кто-нибудь видел, когда он вошел в калитку; пусть теперь узнают, что он ушел. Затем можно будет снять этот излишне яркий плащ и засунуть в какой-нибудь темный угол или, скажем, пустой железнодорожный вагон. Отправиться в контору, ждать там Элленби. Надежный, как камень, Элленби; давний друг и опытный деловой партнер. Можно ждать от него помощи и подсказки. – Засмеявшись, мой приятель отбросил кипу бумаги. – Вот оно, недостающее звено! – воскликнул он. – И надо же, ни одному болвану из всех, сколько нас было вокруг этого дела, не пришло такое в голову.

– Все очень хорошо выстраивается, – сказал я, – кроме разве что поведения молодого Хэпуорта. Можете ли вы представить, будто он – если он таков, как вы его описали, – усаживается рядом с телом убитого им человека и хладнокровно разрабатывает план своего спасения, а труп все это время лежит вот прямо тут, на ковре?

– Нет. Но я могу представить, как это делает женщина – та самая, которая неделю хранила молчание, пока мы бушевали и ярились вокруг нее; женщина, в течение трех часов сидевшая как статуя, когда старый Катбаш, неистовствуя на глазах публики в переполненном зале, называл ее современной Иезавелью³; женщина, которая поднялась со скамьи, когда прозвучал приговор насчет пятнадцати лет каторги, с выражением триумфа в глазах и вышла из зала суда как невеста,

³ Иезавель – жена израильского царя Ахава, дочь сидонского царя Ефваала, или Этбаала, который достиг престола через убийство брата. Дочь унаследовала от него деспотическое высокомерие, непреклонную настойчивость и кровожадную жестокость. (*Примеч. ред.*)

спешащая на свидание к своему возлюбленному. Бьюсь об заклад, это она побрила убитого. Хэпуорт своими дрожащими руками изрезал бы всю кожу на его лице, даже пользуясь безопасной бритвой.

– Должно быть, именно его, Мартина, она так ненавидела, – сказал я. – Это почти ликование при мысли, что он мертв...

– Да, – мой приятель кивнул, размышляя. – Она не сделала ни малейшей попытки скрыть свои чувства. Любопытно, что оба мужчины так схожи между собой... – Он посмотрел на часы. – Наверно, у вас будет желание отправиться со мной?

– Куда вы идете?

– Мы можем легко застать его на рабочем месте. Я имею в виду, в «Элленби и Ко».

* * *

Контора находилась на верхнем этаже старомодно выглядящего дома в тупике улицы Минориток. Мистера Элленби не было на месте, как сообщил нам долговязый парнишка-рассыльный, но он непременно должен появиться к вечеру. Мы сидели и ждали у камина, в котором тускло горел огонь, и только в сумерки слышали шаги на скрипучей лестнице. Элленби остановился в дверях, узнав нас, по-видимому, без удивления; а затем, высказав надежду, что не заставил нас долго ждать, повел во внутреннюю комнату.

– Должно быть, вы не помните меня, – сказал мой приятель, как только дверь закрылась. – Полагаю, до прошлой ночи вы никогда не видели меня без парика и мантии. Это отличие может быть разительным. Я выполнял функции старшего защитника миссис Хэпуорт.

Невозможно было ошибиться: выражение облегчения появилось в тусклых старческих глазах. Очевидно, встреча накануне вечером заставила Элленби заподозрить в нас врагов.

– Вы держались очень хорошо, – пробормотал он. – Миссис Хэпуорт была слишком измучена тогда, чтобы высказать вам свою благодарность, но, могу вас заверить, она весьма признательна за все ваши усилия.

Кажется, мой приятель слегка улыбнулся.

– Я должен извиниться за грубость, которую проявил прошлым вечером, – сказал он. – Дело в том, что я ожидал, когда вы обернетесь, увидеть перед собой лицо гораздо более молодого человека.

– А я, в свою очередь, принял вас за детектива, – деликатно улыбнувшись, ответил Элленби. – Вы простите меня, надеюсь. Я ведь близорук. Конечно, это только мои догадки, но если для вас что-то значат мои слова, могу с уверенностью предположить: миссис Хэпуорт никогда не видела человека по имени Чарли Мартин и не слышала о нем ничего нового со времени... – он сделал паузу, – убийства.

– Безусловно, это было бы слишком трудно, – согласился мой приятель, – учитывая, что Чарли Мартин похоронен на кладбище Хайгейт.

Старик вздрогнул и вскочил с кресла, побледнев как смерть.

– Для чего вы пришли сюда? – требовательно спросил он.

– Нечто большее, чем профессиональный интерес, – ответил мой приятель. – Десять лет назад я был моложе, и, возможно, тому виной моя тогдашняя молодость и ее невероятная красота... Думаю, миссис Хэпуорт, разрешая своему мужу посещать ее – а ведь адрес этой дамы известен полиции и в любой момент может быть установлена слежка, – подвергает его серьезной опасности. Если вы позаботитесь представить мне какие-нибудь факты, которые позволят мне сделать свои выводы об этой истории, я готов задействовать весь мой опыт для нужд миссис Хэпуорт и при необходимости оказать ей свою помощь.

Похоже, к Элленби вернулось его самообладание.

– Погодите, – промолвил он, – я скажу мальчишке, что он может идти.

Вскоре мы услышали, как он повернул ключ в замке входной двери. Затем Элленби вернулся, разжег огонь в камине и начал свое повествование.

* * *

Фамилия человека, похороненного на кладбище Хайгейт, была, как ни странно, все же Хэпуорт. Но звали его не Майкл, а Алекс. Его старший брат.

С детства он был человеком бессердечным, беззастенчивым и беспринципным. Судя по рассказу Элленби, его вряд ли можно счесть представителем цивилизованного мира – скорее уж воплощением какой-то пиратской дикости. Безнадежно было ждать, что он начнет работать, если мог жить в порочном безделье за чей-нибудь счет. Долги Алекса были оплачены в третий или четвертый раз, после чего родственники вынудили его отправиться в одну из заморских колоний. Никаких средств, однако, не хватало на то, чтобы содержать его даже там, и вскоре он, растратив имеющиеся у него деньги, возвратился в Англию, где снова стал требовать денежной помощи, высказывая новые и новые угрозы. Но ему отказали с неожиданной твердостью, после чего он занялся воровством и подлогом – кажется, считая это единственно возможным способом существования.

Для того чтобы спасти его от тюрьмы, а семью от позора, родители были вынуждены потратить все свои сбережения. Именно это несчастье и угроза публичного позора, по словам Элленби, убили и отца, и мать с промежутком всего в несколько месяцев.

Лишенный таким ударом всего, что он, несомненно, считал своей собственностью, и зная, что сестра (к счастью) находится вне его досягаемости, Алекс теперь устремил свой взгляд на брата. Майкл, слабый и робкий, а кроме того, быть может, сохранявший какие-то остатки мальчишеской влюбленности в того, кто всегда был и красивей его, и сильнее, самым нелепым образом соглашался с требованиями старшего брата. Требования эти, конечно, возрастали, так что в конце концов даже Майкл испытал едва ли не облегчение, когда порочная жизнь его брата привела к тому, что тот оказался замешан в преступлении особо позорного характера.

Теперь Алекс, заботясь о собственной безопасности, и сам хотел удалиться как можно дальше. Майкл предоставил для этого все имевшиеся у него средства, оставшись чуть ли не бедняком, – в обмен на торжественное обещание брата никогда не возвращаться.

Все эти страхи и терзания сломили Майкла. Он не мог уже сосредоточить собственный ум на основной своей профессии, ему хотелось уйти от всех прежних дел и знакомств, начать новую жизнь. Именно Элленби предложил ему отправиться в Лондон и заняться поставками судового оборудования, на что должно было вполне хватить оставшегося у Майкла небольшого капитала. Имя Хэпуорта было известно в кругу судовладельцев и кораблестроителей; Элленби, используя этот аргумент, но главным образом стремясь вызвать у Майкла побольше интереса к делу, настоял на том, что фирма должна быть названа «Хэпуорт и Ко».

Это случилось за год до того, как Алекс все-таки вернулся, по своему обыкновению снова потребовав денег. Однако теперь Майкл, руководствуясь советом Элленби, отказал ему, причем в таких выражениях, которые почти убедили брата, что игра на этом поле закончена. Алекс выждал некоторое время, а затем написал очень трогательное письмо, в котором рассказывал брату, что болен и по-настоящему голодает, так что если не для него самого, то хотя бы только ради его молодой жены не может ли Майкл нанести им визит?

Так Майкл впервые узнал о его браке. Возникла слабая надежда, что женитьба могла вызвать в Алексе хоть какие-то изменения к лучшему, и Майкл, вопреки мнению Элленби, решил отправиться к ним. В жалком домишке в Ист-Энде он встретил молодую жену своего брата, но не самого Алекса, который вернулся домой, лишь когда Майкл уже готов был уходить. Видимо, именно ожидая Алекса, Майкл и услышал от девушки ее историю.

Она была певицей, выступала в роттердамском мюзик-холле. Там Алекс Хэпуорт, называвший себя Чарли Мартином, и познакомился с ней, а затем стал за ней ухаживать. Когда он хотел того, он мог быть очень приятным в обхождении; несомненно, ее молодость и красота вызывали в нем и подлинное восхищение, и неподдельную страсть. Стремясь выбраться из того окружения, в котором она пребывала, девушка дала согласие выйти за него замуж. Ведь она была еще практически ребенком, и ей все что угодно казалось предпочтительнее ужасов, угрожавших во время ночной работы на сцене того, с позволения сказать, мюзик-холла.

Алекс так и не женился на ней. По крайней мере, она была в этом убеждена. Как только он в первый раз предстал перед ней мертвецки пьяным, то выкрикнул с издевкой, что церемония бракосочетания, через которую они прошли, была просто грубой инсценировкой. Увы, к

несчастьем для нее, он соврал. Ведь в действительности Алекс всегда отличался хладнокровной расчетливостью и, в данном случае считая женитьбу чем-то вроде безопасной инвестиции, проконтролировал, чтобы брак был абсолютно законным.

Ее жизнь с ним, едва только стерлась новизна, оказалась непереносимо ужасной. Шарф, который она обычно носила, скрывал под собой шрам, оставшийся после того, как в порыве ярости Алекс Хэпуорт попытался перерезать ей горло, потому что она не согласилась зарабатывать для него деньги на панели. После возвращения в Англию девушка твердо решила уйти от него. Если бы он попробовал принудить ее к продолжению совместной жизни, она не остановилась бы перед самоубийством – или убийством...

Именно ради нее младший Хэпуорт в конце концов решился снова помочь деньгами брату, при условии, что тот оставит свою спутницу в покое. Алекс согласился. Кажется, он испытывал раскаяние, однако в действительности, когда отвернулся, на его лице наверняка была ухмылка. Хитрый взгляд словно бы уже видел, что произойдет в ближайшем будущем. Идея шантажа – в этом нет сомнений – зародилась в его сознании еще тогда. С таким хорошим оружием, как двоеженство, он мог рассчитывать на стабильный и даже растущий доход всю оставшуюся жизнь.

Майкл купил своему брату билет пассажира второго класса на судно, отправляющееся в Кейптаун. Конечно, было мало шансов, что Алекс сдержит слово, но всегда сохранялась надежда, что ему проломят голову в какой-нибудь драке. Во всяком случае, он хоть на время оставит их в покое – и Майкла, и женщину, которую, кстати, звали Лола (вот ее имя и прозвучало наконец в нашей истории). Через месяц Майкл женился на ней, а еще через четыре после этого получил письмо от своего брата, где содержалось обращение к миссис Мартин «от ее любящего мужа Чарли, надеющегося в скором времени иметь удовольствие увидеть ее снова».

Запрос через английского консула в Роттердаме доказал, что угроза была не просто блефом. Брак оказался законным и неоспоримым.

События, произошедшие в ночь убийства, мой приятель восстановил почти безошибочно. Элленби, придя в контору в тот же утренний час, что и обычно, увидел ждущего его Хэпуорта. Там молодой человек и скрывался несколько дней, прежде чем однажды утром, с перекрашенными волосами и тщательно выращенной полоской тонких усов, решился покинуть контору.

Если бы Алекс был убит любым другим способом, Элленби посоветовал бы младшему Хэпуорту предстать перед судом, как тот искренне и намеревался сделать. Но в сочетании с тем фактом, что смерть Алекса принесла бы и его брату, и жене безусловное облегчение, заряженный револьвер неизбежно навел бы суд на мысль о преднамеренном убийстве. Изолированность дома, расположенного к тому же недалеко от пруда, тоже сочли бы частью продуманного плана. Однако даже если, сумев убедить присяжных, что убийство не было преднамеренным, Майкл избежал бы виселицы, долгий срок каторги все равно оказывался неизбежным.

Кроме того, не было также уверенности в том, что при данных обстоятельствах и женщина сумеет избежать наказания. Убитый, по странной прихоти судьбы, все же был ее мужем; убийца же – в глазах закона – ее любовником.

Страстное намерение миссис Хэпуорт спасти Майкла возобладало. Он отправился в Америку. Там у него не возникло никаких трудностей с тем, чтобы получить работу, – разумеется, под другим именем – в какой-то фирме в качестве архитектора; а позже он открыл собственное дело. С той самой ночи, когда был убит Алекс Хэпуорт, Майкл и жена не встречались друг с другом все эти одиннадцать лет и впервые их свидание состоялось только три недели назад.

* * *

Я никогда не видел эту женщину в дальнейшем. Мой приятель, полагаю, навещал ее.

Хэпуорт вскоре вернулся в Америку, а мой друг сумел получить для его жены разрешение в полиции, предоставлявшее ей, в сущности, полную свободу.

Иногда по вечерам я заглядываю на эту улицу, и всегда у меня возникает чувство, что я оказался в пустом театре, где незадолго до моего прихода окончилась прекрасная пьеса.